

# ИССЛЕДУЯ АТРОФИЮ ДУШИ

Не так уж редко за последние годы Новгородский областной театр драмы кормил зрителей развлекательными спектаклями, предлагал своего рода детское питание для взрослых.

«Женский стол в охотничьем зале» по пьесе В. Мережко, практически замыкающий сезон и поставленный режиссером Лидией Поповой, стоит особняком, заставляет зябко поежиться, пристально всмотреться в окружающих. Какими мы стали? Почему так часто надеваем маски, не срелись ли они с лицом? На этих масках отчетливо проступают, как пятна болезни, следы самодовольства, тупого чванства, духовного обнищания, ущербности...

Неосознанное чувство тревоги возникает сразу и нарастает к концу спектакля. Дело не только в драматической развязке. Чувство тревоги исходит от людей, столпившихся вокруг банкетного стола в ресторане, где разворачивается сценическое действие.

Исследуя атрофию души, режиссер-постановщик Л. Попова активно вовлекает в это исследование зрителя.

Главный врач психиатрической больницы Юрьева решила повторить ужин, который был в ресторане 3 года назад и закончился трагически. Ее бывший муж Бардин сошел с ума. Она пытается вернуть ему сознание, собрав тех, кого она вспоминала. Живых. Фабула не исчерпывает содержания постановки — емкой, предельно насыщенной.

Исполнительница роли Екатерины Ивановны актриса Л. Лушечкина открывает в своей героине полную потерю профессионального и человеческого сострадания. Она ходит по сцене, мелко и мелко сту-

ча каблучками, с напряженно выпрямленной спиной, с будто приклеенной улыбкой. Перед нами не женщина, а робот с включенной программой личной безопасности. И только. Вводя смертоносный шприц, она посягает не только на неприкосновенность человеческой жизни, она видит опасность в мыслящем человеке.

О сердце, человеческом сердце твердит Шагане Фатуриян. Образ этого удивительно доверчивого, надеющегося человека создала артистка Т. Прокопенкова.

Людмила Сердюк, возлюбленная героя, в исполнении артистки Н. Эверт — это женщина, иступленно пытающаяся отстоять иллюзию любви, которой давно уже нет, она съедена «жучком-короедом» сомнений. Артистка же В. Веркау подчеркивает холодный расчетливый ум героини, способной только обвинять других в крушении своего счастья.

Об остальных невольно думаешь: да в своем ли они уме? Разве нормален Брызгалов — молодой человек с кастетом, развязный, циничный, назойливо приглашающий дам на «тур вальса»? Это отрепетированный прием «охотника» за женщинами, которых он, как товар, предлагает клиентам ресторана. В исполнении артиста А. Устинова Брызгалов страшен агрессивным цинизмом.

Нормальна ли «бабочка», летящая на огонь, Нинель Жабина (артистка Э. Столярчук)? Нормальна ли жена влиятельного человека, чьи раздутые амбиции были бы смешны, если бы не вызвали у людей панический страх... исчезнуть в «психушке»? Героиня К. Гавриленко не величественна, а претенциозна. Устрашающе звучит ее реплика:

«И не пытайтесь перехватить инициативу. Атаковать буду я».

Актриса создает карикатурный слепок чиновно-бюрократической среды, в которой не дышат, а задыхаются, не живут, а существуют. Не потому ли у официанта нет слов, чтобы выразить свои чувства, и он, словно ворон, беспрерывно кричит: «карр».

Каждый персонаж решен почти гротесково, он смешон, карикатурен, но все вместе они не марионетки, а реальная сила, способная не только разрушить, но и уничтожить. Все вместе — это материализованная бездуховность, против которой восстает спектакль. Она метит людей, как тавром, печатью лицемерия, чванства, пустопорожней болтовни, мотыльковой философии жить одним днем.

В спектакле нет положительных героев. Все — грешники, но самый большой из них Никита Михайлович Бардин.

Режиссер-постановщик Л. Попова и талантливый исполнитель, чье мастерство окрепло за последние годы, артист Л. Суворов акцентируют внимание не на внешних приметах душевного расстройства, а на воистину безумной затее Никиты Бардина — заставить себя услышать, быть понятым. Нет, духовная глухота окружающих буквально обрекает его на распятие. Монолог осознавшего себя как личность Н. Бардина (артист Л. Суворов) — это квинтэссенция спектакля, его пафос и социальное назначение: вот один против стаи конформистов.

Еще в прологе четко прослеживается неравная расстановка сил. Интерьер охотничьего зала украшен гобеленом. Мастерство художника О. Пахомова во многом настраивает на восприятие спе-

ктакля, сосредоточенное проникновение в детали. Но почему контуры всадников словно обрызганы кровью, а тяжелые копья, как из эпохи средневековья, кажется, сорвутся со стен и просвистят прямо в зал? Пять всадников — не много ли? — окружили и готовы растоптать одного единственного зверя.

Охота на ее трагическом, финальном витке развернется и на сцене. Только вместо загнанного зверя будет человек. Им окажется Бардин.

Язык символов, жестов четко обозначен режиссером, а вслед за ним и актерами. Расшифровывать их несложно, если обнаружить изначальный «код» — замысел. Мизансцены лепят причудливую мозаику постановки. Она достигает кульминации в тот момент, когда собравшиеся прошелестят, словно змея проползет по сцене: «Ты сошел с ума». Приговор вынесен: мыслящий, сострадающий и обвиняющий человек неудобен. Мертвый — удобен всем, потому что некому будет будоражить совесть. Спектакль развенчивает молчаливое согласие на неправо дело. Но каждый, кто вовлечен в «охоту» до рокового конца, невольно выносит приговор и себе.

«А зачем я жила?» — тихо, изумленно спрашивает себя 80-летняя женщина. Заслуженная артистка РСФСР В. Крюкова играет Анну Ивановну, мать Никиты Бардина. Ее бессвязные, безумные речи полны особого потайного смысла, она в конце концов восстает против страха и насилия над личностью, в плену которых была всю жизнь. Крюкова играет с большой внутренней силой. До бесконечности варьируя фразу: «Что сказала это дитя?», она

за мнимой глухотой дает возможность увидеть сущность героини. Образ Анны Ивановны жалок и трагичен одновременно, потому что временное пространство, прожитое на сцене героиней, вмещает судьбы изувеченного сталинщиной поколения, вынужденного уступать собственной совести.

Дошел ли замысел режиссера до зрителя?

Моей соседкой оказалась молодая новгородка Марина Иванова, по профессии товаровед. В антракте разговорились.

— Мы так легко творим... недобро, — сказала Марина, — что уже и не замечаем этого. А тот, кто говорит правду, сразу же становится сумасшедшим. Сколько раз я слышала, как люди раздают друг другу эпитеты «ты ненормальная!»...

— Безоговорочно, выходит, понравился спектакль?

— Нет, не все. Например, образ Лизы — сценический штамп на примитивного работника торговли. Не все такие.

После спектакля состоялся разговор со зрителями, спонтанный, неподготовленный, но тем и интересный. Вставали люди разных возрастов и профессий и прямо с места высказывали свою точку зрения. Они не спешили с дежурными комплиментами, а говорили об актуальности спектакля, его общественной и гражданской значимости.

Режиссер показала последовательность в разработке темы нравственности (вспомним о ее постановке «Я — женщина»). На встрече со зрителями Л. Попова выразила в двух словах свое кредо: «Я хочу воскресить милосердие, воскресить веру».

Л. ХАНОВА.